

ЖАНРОВО-СТИЛЕВІ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУСКАЗОК Ф. КРИВИНА

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія.

Випуск 1 (37) 2017.

УДК 821.161.1-34.09'06 Кривин

Яким М., Бедзір Н. Жанрово-стильові особливості півказок Ф. Кривина; 13 стор., бібліографічних джерел – 16, мова – російська.

Анотація. У статті досліджуються жанрові особливості півказок Ф. Кривина. Виявлено, що жанр півказки є гібридним, оскільки в ньому поєднані елементи казки, байки, притчі та анекдоту. До основних жанрових особливостей півказок відносяться: синтез реальності та вимислу гумористичне начало, лаконізм та мовна гра.

Ключові слова: Ф. Кривин, півказка, гібридність жанру, лаконізм, афористичність, гумор, мовна гра.

«Одна из малоизученных функций жанра состоит в том, что он является посредником между литературой и фольклором как двумя словесно организованными системами», – полагает современный украинский исследователь Н.Р. Лысенко [14, с. 36]. Показательным в этой связи является творчество украинского русскоязычного писателя Ф.Д. Кривина. Его произведения стали заметным явлением в русской и украинской литературе XX в., они привлекают внимание необычностью жанра, сюжета, героев, языка [3].

Цель нашего исследования состоит в изучении жанрового и стилевого своеобразия «полусказок» Феликса Кривина. Для достижения данной цели мы ставим следующие задачи: определить содержательный, семантический, структурно-композиционный уровни авторского жанра «полусказки»; выявить традиции фольклорной и литературной сказки в указанной модификации; обозначить её иностилевые и иножанровые составляющие.

В работе мы используем традиционную методику поэтологического, историко-литературного и жанрово-стилевого исследования.

«Литературная сказка – это повествовательный жанр с волшебным-фантастическим сюжетом, с персонажами реальными и (или) вымышленными, с действительностью реальной и (или) сказочной, в которой по воле автора поднимаются эстетические, моральные, социальные проблемы всех времен и народов» [11, с. 420]. Существует большое количество определений литературной сказки как жанра. Авторская сказка – жанр пограничный, она обнаруживает закономерности, свойственные и фольклору, и литературе.

Литературная сказка XX в. также может считаться новым этапом в ее развитии, отражающим общее состояние литературы и общественной жизни (произведения Ю.И. Ковалева, Л.С. Петрушевской, детские литературные сказки К. Булычева, В. Крапивина, С. Прокофьевой, Э. Успенского) [16, с. 20]. В украинской литературе литературными являются сказки А. Олеся ("Трицеві курчата", "Мисливець Хрін та його пси", "Водяничок", драматический этюд "По дорозі в Казку" и др.),

Н. Вороного ("Євшан-зілля"), Оксаны Иваненко ("Лісові казки"), Натали Забилы ("Хатинка на ялинці", "Про ліниву дівчинку" та ін.), Гр. Тютюнника ("Степова казка"), В. Симоненко ("Цар Плаксії і Лоскотон", "Казка про Дурила", "Подорож у країну Навпаки"), а также Н. Стельмаха, В. Сухомлинского, В. Нестайко, В. Чухлиба и многих других [4]. Каждая литературная сказка в итоге дает свою уникальную картину мира, построенную на основе жанрового синтеза.

Наивысшая активность литературной сказки приходится в середине XX в. «на рубеж 50-60-х; и, наконец, на так называемые годы застоя, особенно на рубежи 60-70-х и 70-80-х годов. Все эти периоды могут быть определены как время идейных перевалов, ценностных кризисов и сломов, переживаемых всем обществом. Таким образом, литературная сказка неизменно активизируется в периоды значительных историко-культурных переломов, когда меняется духовная ориентация общества, когда осуществляется переход от разрушающейся старой концепции личности к еще не сформировавшейся новой, что, естественно, сказывается на глубокой перестройке всей художественной системы, – такой вывод делает М. Липовецкий, всесторонне исследовавший литературные сказки XX в., но среди писателей-«сказочников» не упоминавший Ф. Кривина [10].

Феликс Давидович Кривин (11.06.1928. – 24.12.2016) – русский и украинский писатель, поэт, прозаик, автор интеллектуальных юмористических произведений, сценарист. Его перу принадлежат «Наивные сказки», «Сказки с моралью», «Волшебные сказки», «Сегодняшние сказки», «Вечерние сказки», «Новые сказки», «Учёные сказки». А ещё – придуманные им «Полусказки». После переезда в Закарпатье Кривин говорил: «Я посмотрел и увидел сказочный край. Но, как бывает в жизни, было много и такого, что сказки было рано писать, и я стал писать полусказки» [7, с. 361]. Таким образом, новая жанровая модификация полусказок напрямую связана с действительностью, а именно – с социально-политической, экономической, моральной и духовной её стороной.

Книга «Полусказки» (1964 г.) состоит из нескольких разделов: «Мелочи жизни», «Чуть-чуть лирики», «Полусказки», «Проза в стихах», «Педагогическое. Сказки с моралью», «Мемуары», «Волшебная сказка» «Бумажная роза», (пьеса-сказка). Как видим, в сборнике присутствуют и проза, и стихи, и драматургия. Каждый из разделов содержит элементы сказки, но по определению писателя – полусказки.

В данном авторском жанре присутствуют признаки той сказки, какой она стала в XX веке, а именно «сказки жизни» (терм. М. Липовецкого). Как полагает исследователь, концепция «сказки жизни» отчетливо дает о себе знать в близких романтическому течению детских и «взрослых» литературных сказках 30-х годов, таких как «Голый король» (1934) и «Красная шапочка» (1936) Е. Шварца, сказочная поэма С. Кирсанова «Золушка» (1934), «Сказка о Военной тайне, о Мальчише-Кибальчише и его твердом слове» (1933) А. Гайдара, в пьесе-сказке В. Каверина «В гостях у Кашея» (1939). Образ «сказки жизни» проступает и в весьма далеких от романтической традиции сказочных произведениях 30 — 40-х годов, таких как «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1934) А. Толстого, первая книга «Малахитовой шкатулки» (1936 — 1940) П. Бажова, «Старик Хоттабыч» (1938) Л. Лагина, «Обыкновенное чудо» Е. Шварца (1954), а также в литературной сказке на рубеже 1950-х — 60-х годов. Сказка пронизывается бытовыми подробностями, по Кривину – «мелочами жизни». Но всё решает авторское видение этих мелочей. Как пишет украинский исследователь литературной сказки О. Гарачковская, всякий писатель-сказочник, используя сказочную форму, актуализирует личностное восприятие действительности... [4].

Сказка таким образом включается в несказочную реальность и трансформируется в ней: собственно сказочное отесняется на периферию образа и, утрачивая свою специфику, становится аллегорией, притчей. О сказке Е. Шварца «Тень» М. Липовецкий замечает: создается, по сути, традиционно-романтический образ гротескно-ирреальной действительности, умерщвляющей сказку. Повествователь в такой сказке олицетворяет интеллектуала, но не учителя, а мечтательного, духовного, нравственного максималиста [10].

Как видим, у «сказок жизни» Ф. Кривина есть предшественники, осуществившие разрыв с романтической традицией и приблизившие литературную сказку к просветительским и интеллектуальным задачам. Сборник Ф. Кривина «Полусказки» в своих жанровых поисках иллюстрирует все модификации «сказки жизни», появившиеся в 1950-х – 1960-х годах. Раздел «Мелочи жизни» содержит внимательные и афористически высказанные наблюдения над бытом жизни. «Чуть-чуть лирики» и «Проза в стихах» – выразительные лирические зарисовки жизненных ситуаций. «Сказки

с моралью» возвращают читателя к басенной аллегории и притче. «Бумажная роза» – интеллектуальная сказка-драма, в стиле произведений Е. Шварца [8].

Если сказка воспринимается в качестве повествования о прекрасном, счастливом настоящем, то до него в начале советских 1960-х гг. – в период «оттепели» – было ещё далеко. Сборник «Полусказки», напомним, был издан в 1964 г. В высказывании Ф. Кривина («Но, как бывает в жизни, было много и такого, что сказки было рано писать, и я стал писать полусказки») также содержится явный намёк на известную строку из «Марша авиаторов» (слова П. Германа, муз. Ю. Хайта, 1923): «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...», недаром в словах писателя трижды повторяется глагол «быть»: «бывает», «было много», «было рано». «Былью» в начале 60-х гг. в советских условиях сказка ещё не стала.

В предисловии к книге «Полусказки» Ф. Кривин также писал: «Почему полусказки? Потому что если бутылку судят за пьянство, то этого никак правдой не назовешь. Но если бутылка, при ближайшем рассмотрении, вдруг оказывается не винной, – это уже похоже на правду. Пуговка лезет в петлю – это правда. Но из-за неудачной любви? Нет уж, простите, это выдумка. Однако разве в жизни не бывает неудачной любви? Значит, и это похоже на правду» [8, с. 4]. Так для писателя «полусказка» связывается ещё с одной своей жанровой особенностью: умением сочетать ложь и правду. «Сказка – ложь, да в ней – намёк, добрым молодцам урок!» – писал А. Пушкин в «Сказке о Золотом петушке». Ф. Кривин по своему интерпретирует этот афоризм: нельзя подменять сказочную «ложь» правдой действительности, и наоборот, правду – «ложью». Обобщая авторские определения полусказок, отметим: у Кривина эта жанровая модификация больше, нежели фольклорная сказка, связана с действительностью, в ней присутствует более тонкая грань условности и правды.

Ф. Кривин придумал новый вид сказки, причем, сказки для взрослых. Это открытие было несомненной удачей писателя. В полусказках Кривина сталкиваются обычный мир – и пространство чуда, иносказания, где предметы приобретают необыкновенные качества. Происходит «расщепление слова-знака», за которым следует или утрата волшебных свойств (победа прямого смысла, деметафоризация), или духовное преображение (понимание тонкого зазора между прямым и «ложным» смыслом слова, явления, понятия), или примирение с действительностью. Контрастируют обыденность предмета (пуговка, игла, старый пиджак, форточка, мяч, тропинка) – и драматизм ситуации. Писатель «очеловечивает» окружающий мир, и страна вещей превращается в страну аллегорий. Там Часы мечтают избавиться от своей Гери, Подушка недовольна своим мягким характе-

ром, Шкаф настолько скромно, что платье носит «не снаружи, а внутри», а при встрече с Вешалкой люди снимают шапки.

Бытовой сюжет приобретает сказочное волшебство и драматическую интригу благодаря манере сказа, в котором повествуются все полусказки. Сказ создаёт пространство двуголосого слова, сочетающего голос автора и голос ролевого героя-повествователя. Например, в полусказке «Сплетня» интригу создают речь подглядывающих и сплетничающих очков, ассоциирующихся с образом ханжи-соседки, не лишённой показного сочувствия (первый абзац), речь «очков» совмещена с книжной речью повествователя (второй абзац полусказки), искренне сострадающего пуговке, но осуждающего её окружение (Скатерть, Стаканы, Чайную ложку, Иглу): «Очки это видели своими глазами. Совсем еще новенькая, блестящая Пуговка соединила свою жизнь со старым, потасканным Пиджаком. Что это был за Пиджак! Говорят, у него и сейчас таких вот пуговок не меньше десятка, а сколько раньше было – никто и не скажет. <...>. Во всем виновата была Игла, старая сводня, у которой в этих делах большой опыт. Она только шмыг туда, шмыг сюда – от Пуговки к Пиджаку, от Пиджака к Пуговке, – и все готово, все шито-крыто.

История бедной Пуговки быстро получила огласку. Очки рассказали ее Скатерти, Скатерть, обычно привыкшая всех покрывать, на этот раз не удержалась и поделилась новостью с Чайной Ложкой, Ложка выболтала все Стакану, а стакан – раззвонил по всей комнате. <...>» [8]. Как видим, разыгрывается настоящая сентиментальная мелодрама, где женское существо угнетено мужским и доведено до гибели. Но драма снимается иронией и юмором, ведь речь идёт о пиджаке и пуговице.

Характерная черта всех произведений Ф. Кривина – лаконизм. Если он обращается к жанру сказок, то называет их «Полусказки». Писатель твердо придерживался правила: лучше недосказать, чем пересказать. Полусказки – емкие и максимально лаконичные: от экспозиции до развязки один шаг. Героиней одной из полусказок выступает Копилка. Каждое из предложений произведения – элемент композиции. В экспозиции Копилка хвастается своим положением и учит жить: приумножать капитал без труда. «Учитесь жить! – наставляла глиняная Копилка своих соседей по квартире.

– Вот я, например: занимаю видное положение, ничего не делаю, а деньги – так и сыплются».

Завязка сказки – жадность Копилки: «Сколько бы денег ни бросали в Копилку, ей все казалось мало. – Еще бы пятачок! – вызывала она. – Еще бы гривенник!». Кульминация – «Однажды, когда Копилка была уже полна, в нее попытались засунуть еще одну монету. Монета не лезла, и Копилка очень волновалась, что эти деньги достанут-

ся не ей». Развязка – «Хозяин рассудил иначе: он взял молоток и... В один миг лишилась Копилка и денег и видного положения: от нее остались одни черепки» [8, с. 82]. Ф. Кривин уместил лишь в несколько предложений экспозицию, завязку, кульминацию и развязку произведения.

Л. Лиходеев, оценивая сборник «Ученые сказки», отметил, что Кривин пишет не эзоповым языком, «Кривин пишет на языке кривинском. Это точный язык содержания, которое поглощает форму» [12]. Краткость высказывания у Кривина сопровождается «точностью» – мудрой глубиной ёмкой фразы, чаще всего завершающей полусказку и расставляющей все акценты замысла. Афористичность, лаконизм, насыщенная метафоризация и демегафоризация поэтики и игра со словом отличают полусказки [5, с. 248]. Если фольклорная сказка опирается на миф, то кривинская – на языковую игру. Так, у него «Чайник развивает кипучую деятельность», а «Тюремная Решётка знает жизнь вдоль и поперёк», «Мяч был в ударе», а «Часы не шли: они стояли на страже времени» [8].

В полусказках основным и наиболее частым приемом решения художественной задачи становится словесная игра. [5, с. 119]. А высокий результат достигается за счет поразительного разнообразия и непредсказуемой трансформации игровых ролей слов. Оно, слово, как актер, меняет маски. Переносный смысл воспринимается как прямой, и наоборот. Слова теряют частицы, и мир меняется до неузнаваемости, становится гротескным (в королевстве Ряхи и Годя жили просвещенные люди – вежды, а также доумки. «Собрал как-то король доумков и сказал им: «Именно благодаря вам у нас в королевстве такая разбериха, такие взгоды, поладки и урядицы...» [6, с. 5]).

Кривин видит явления и вещи стереоскопически, проникает в многозначность слова, нарушает конвенциональность слова-знака, разрушает консервативность восприятия жизни и языка. Ему нет равных в умении «отдирать с мясом» от слов приросший к ним метафорический смысл и возвращать им самый что ни на есть прямой. С тем, чтобы снова придать этому прямому смыслу переносный. И так до бесконечности. В изобретательную и веселую игру слов можно вложить и скрытый подтекст. Чем насыщеннее и богаче язык, тем больше у него возможностей удачно упаковать информацию с двойным дном.

Кривинские виртуозные игры со словом в его различных значениях, оттенках и смыслах являются головной болью переводчиков, потому что в переводе на другой язык смысл слова часто меняется на противоположный [12].

Слово Кривина несёт глубокую идею, облечённую в чувства персонажа или повествователя, не превращая её в сухую формулу. Как замечает Л. Бабалова, слово у Кривина «искрится метафо-

рическим блеском, грани его всегда по-новому преломляют смысл» [1, с. 108].

Именно благодаря такой языковой игре мы можем определить авторское («кривинское») начало в тексте. Оно связано с ассоциативностью и деавтоматизацией мышления, с аналогиями, деконструкцией метафоры, с нарративизацией и прямолинейным прочтением паремий и близких к ним "малых" фольклорных жанров – пословиц, поговорок.

Лаконизм полусказок порождает афористичность, например: «Убеждение Дверной Ручки зависит от того, кто на нее нажимает» («Сила убеждения») [8]. Чтобы фраза стала афоризмом, её должен запомнить и цитировать читатель. Афористичность Кривина завоёвывает всё больше читателей и почитателей.

Афористичность полусказок сближает их с интеллектуальной сказкой (В. Одоевского, Е. Шварца, С. Кирсанова, В. Каверина и др.). В ней есть философски-концептуальная рациональная оценка мира и происходящих событий, тяготение к экспериментальным обстоятельствам, характеры, разыгрывающие мысли автора в сценах и диалогах, но в отличие от интеллектуальной сказки, художественное доказательство обращено и к чувствам, и к разуму благодаря сильному лирическому началу полусказок.

В полусказках прослеживается связь ещё с одним жанром – басней, особенно в разделе «Сказки с моралью». Здесь присутствуют все признаки басни: сатирический тип эмоциональности, мораль, аллегория («Полуправда», «Сказка про козлика», «Школа», «Чернильница», «Счастливый камень»). Но сюжеты «Сказок с моралью» далеки от традиционных басен Эзопа, Ж. Лафонтена, И. Крылова. Ф. Кривин ближе к басенной традиции Г. Э. Лессинга (см. трактат Лессинга "Рассуждение о басне"). Не писать изящные аллегорические стихи, призванные забавляя поучать, а сосредоточиться на моральной истине в повествовании о каком-либо частном случае призывал Лессинг [13]. Басни должны быть предельно краткими, – требовал немецкий просветитель, хотя сам не всегда следовал своему требованию («Скупец», «Подарок фей», «Ягнёнок под защитой» и др.) [2, с. 162]. Эти просветительские традиции басни близки художественной стилистике полусказок Ф. Кривина («Гиря», «Ставня», «Житейская мудрость» и др.).

В полусказках Ф. Кривина мораль, как и у Лессинга, рассчитана на понимающего читателя-единомышленника.

Аллегория – любимый художественный троп Ф. Кривина. Он пишет о вещах, животных, насекомых, но вы видите и слышите в его рассказах людей. Его герои (Фонарный столб, Карандаш, Яблоко, Мухи) живут и действуют, как люди: влюбляются и изменяют, работают и лодырничают, куда-то спешат и опаздывают, говорят и

молчат, – ничто человеческое им не чуждо. Каж-дому предоставлено место в этом мире, каждый незаменим на своем месте, каждый делает в жизни свое дело и должен поступать сообразно своему предназначению и склонностям – к этому сводится основная концепция мировидения Кривина. Закон счастливого конца, очень важный для сказки вообще, в «полусказках» Кривина часто становится неоднозначным, с привкусом жизненной горечи.

Как очевидно, в полусказках присутствуют элементы сказки, притчи, басни и анекдота. Это свидетельствует о гибридности жанра. С анекдотом полусказки роднит то, что слушатель/читатель преодолевает границы стереотипного, привычного восприятия действительности и обретает внутреннюю свободу мысли. По отношению к обычной реальности, в анекдоте предстаёт обратный, изнаночный мир, в котором нормой считается то, что при других условиях является отклонением. Как писал об анекдотических сказках Е. Мелетинский, «анекдот узнается по его комической направленности, заостренности, парадоксальности, по краткости и крайне простой композиции (эпизод или серия коротких эпизодов), можно сказать, "ситуативности", в то время как новеллистическая сказка значительно более серьезна и "нравственна", тяготеет к авантюристике (изображает превратности), к более сложной композиции» [15, с.3].

Наиболее яркий анекдотический характер имеют полусказки в разделе «Мелочи жизни». Здесь присутствуют и нарастание событий (кумуляция), и резкая смена восприятия и оценки происходящего (пуант), как, например в полусказке «Лоскут»:

– Покрасьте меня, – просит Лоскут. – Я уже себе и палку подобрал для дровка. Остается только покраситься.

– В какой же тебя цвет – в зеленый, черный, оранжевый?

– Я плохо разбираюсь в цветах, – мнетя Лоскут. – Мне бы только стать знаменем.

Противоречие между формой (типом персонажа) и содержанием порождает анекдотический смех.

Философские литературные полусказки в целом становятся средством художественного воплощения гармонии\дисгармонии мира, диалектики личного и общего.

Кривин как писатель не укладывается в традиционные литературные рамки. Его сказки принадлежат к своеобразному жанру, который он назвал «Полусказки». Мы определили, что жанр полусказки является гибридным, поскольку в нем соединены элементы сказки, басни, притчи, анекдота, интеллектуальной сказки. К основным жанрово-стилевым особенностям полусказок относятся: синтез реальности и вымысла («сказки жизни»), преобладание «мелочей быта», юмористиче-

ское, сатирическое и гротескное начало, лаконизм, афористичность и наличие языковой игры. Феликс Кривин выбрал особый стиль для полусказок, в котором главную роль играют аллегорическое иносказание и парадокс.

Будучи глубоко литературным авторским жанром, в своей генологической традиции полусказки не следуют законам волшебной сказки, но обращены к её предшественникам-праформам – анекдоту, притче, басне.

Литература

1. Бабалова Л. Вы читали Феликса Кривина? / Л. Бабалова // Русский язык за рубежом. – М. – 1967. – Выпуск №1. – С. 107-109.
2. Берестень Е.Е. Вклад Г.Э. Лессинга в историю развития жанра басни // Е. Е. Берестень // Науковий вісник кафедри ЮНЕСКО Київського національного лінгвістичного університету. Філологія, педагогіка, психологія. – 2010.– Вип. 21. – С. 161-166. – // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Nvku_2010_21_24
3. Довлатов С. Кривин Ф. Калейдоскоп. / Сергей Довлатов // Звезда. – 1966. – № 3. – С. 218-219.
4. Гарачковська О.А. Українська літературна казка 70–90-х років ХХ ст.: сюжетно-образна структура, хронотоп. – Дисертація кандидата філологічних наук по спеціальності 10.01.01 – українська література – Кіровоградський державний педагогічний університет імені В. Винниченка. – Кіровоград, 2008. – Рукопис.
5. Книгиницкая Н. Воспитание любви к художественному слову у школьников в процессе изучения стилиевых особенностей произведений Ф. Кривина / Наталья Книгиницкая // Ужгородський університет. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. – Ужгород – № 2 (32). – 2014. – С. 119-123.
6. Кривин Ф. Д. Хвост павлина: сказки, рассказы, повести / Феликс Давидович Кривин // Худож. А. Ю. Гойда. – Ужгород: Карпати, 1988. – 146 с.
7. Кривин Ф. Антология Сатиры и Юмора России ХХ века: в 54-х т. / Феликс Давидович Кривин. – М.: Эксмо, 2005. – Т. 18. – 362 с.
8. Кривин Ф. Полусказки / Феликс Кривин. – Ужгород: Карпати, 1964. – 256 с.
9. Кузьмина Э. Б. Испытание смехом / Эдварда Борисовна Кузьмина // Новый мир. – М. – 1967. – № 5. – С. 248–250.
10. Липовецкий М.Н. Поэтика литературной сказки (на материале русской литературы 1920 – 1980-х годов). – Свердловск: Издательство Уральского университета 1992. – 184 с.
11. Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П. А. Николаева. Редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А. Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
12. Лиходеев Л. Полтора Эзопа / Леонид Лиходеев // Литературная газета. – 1968. – 17 июля.
13. Лессинг Г.-Э. Избранные произведения : пер. с нем. / Г. Э. Лессинг. – М.: Художественная литература, 1953. – 640 с.
14. Лысенко Н.Р. Жанр как знак традиции в литературе и фольклоре / Н. Р. Лысенко // Литературовед. сб. / Донец. гос. ун-т. – 1999. – Вып. 1. – С. 36-40.
15. Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky14.htm>
16. Овчинникова Л.В. Русская литературная сказка ХХ века: История, классификация, поэтика. – Диссертация доктора филологических наук. – М., 2001. – 387 с. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: dissercat.com/content/russkaya-literaturnaya-skazka-xx-veka-istoriya-klassifikatsiya-poetika#ixzz4YZ1rje2u

Марина Яким, Наталия Бедзир

ЖАНРОВО-СТИЛЕВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛУСКАЗОК Ф. КРИВИНА

Аннотация. В статье исследуются жанровые особенности полусказок Ф. Кривина. Определено, что жанр полусказки является гибридным, поскольку в нем соединены элементы сказки, басни, притчи и анекдота. К основным жанровым особенностям полусказок относятся: синтез реальности и вымысла, юмористическое начало, лаконизм и языковая игра.

Ключевые слова: Ф. Кривин, полусказка, гибридность жанра, лаконизм, юмор, языковая игра.

Marina Yakim, Natalia Bedzir

GENRE AND STYLE PECULIARITIES OF F. KRIVIN'S HALF- FAIRY TALES

Annotation. The article examines the genre features of F. Krivin's half-fairy tales. It is determined that the genre of half-fairy tales is hybrid, since elements of a fairy tale, fable, parable and anecdote are connected in it. The basic genre features of half-fairy tales include: the synthesis of reality and fiction, humorous beginnings, laconism and language game.

Key words: F. Krivin, half-fairy tales, hybridism of genre, laconism, humor, language game.

Стаття надійшла до редакції 27.03.2017 р.

Бедзір Наталія Прокопівна – доктор філологічних наук, професор, в.о. завідувача кафедри слов'янської філології та світової літератури філологічного факультету УжНУ.

Яким Марина Юрївна – аспірант кафедри слов'янської філології та світової літератури філологічного факультету УжНУ.